

Они ехали в патрульной машине. Трое — Ярослав Вешняков, Дмитрий Романов и уже пьяный Андрей Малахов, которому в этот день исполнилось двадцать шесть лет.

Милиционеры лениво катались по району. Они выезжали из очередного двора, когда Малахов увидел его. Молодой парень в серых узких, туго обтянувших бедра джинсах, футболке с вырезом на груди и пирсингом на губе. Юноша был невероятно красив. Должно быть, красивее всех людей, которых он видел до сих пор. У Малахова уже месяц никого не было, поэтому при взгляде на молодого человека в его брюках что-то мгновенно потяжелело. Из пересохшего горла он с трудом выдавил «Тормози!» находящемуся за рулем Вешнякову и молча вышел из машины.

Вблизи парень был еще привлекательнее, чем казалось на расстоянии: в напряженных худых скулах и самоуверенном, наглom взгляде смешались сексуальность и агрессия их обладателя. Коротко выбритый левый висок переходил в густые кудри черных волос, небрежно зачесанных набок. При встрече с ним женщины задумчиво провожали его взглядом, а мужчины наигранно морщились, но при случае отдавались еще охотнее и бесстыднее первых.

Заметив служителя порядка, красавец запрокинул голову, выдохнул вверх сигаретный дым и, отведя руку, сильным щелчком отбросил бычок.

Малахов сразу понял, что его презирают. Впервые в жизни самому себе он показался заурядным и нескладным, обыкновенным провинциалом, недавно переехавшим в столицу. Собственно, так оно и было. Он любил свое физически развитое тело, но сейчас чувствовал себя китайским манекеном рядом с одной из тех греческих статуй, которые видел в школьном учебнике истории.

Милиционер смущенно и в то же время с вызовом потребовал документы. Вместо ответа парень достал пачку сигарет, неторопливо прикурил, склонившись к зажигалке, и желтый отсвет пламени лизнул его щеки. Он сильно затаился, тряхнув головой так, что волосы вспорхнули вороньей стаей и приземлились обратно, выдохнул и нахально, словно репетировал эту сцену множество раз, произнес, глядя Малахову прямо в глаза:

— А ты кто такой, мать твою?

На мгновение Малахов потерял дар речи. После чего обернулся и махнул напарникам.

Хлопнули двери. Романов подходил, засунув руки в карманы, склонив голову набок и сощурился, за ним следовал улыбающийся Вешняков.

Романов еще издали бросил:

— Это что за гомик у нас?

— Да вот, гражданин оскорбляет сотрудника МВД при исполнении.

При этих словах молодой человек ухмыльнулся и демонстративно сплюнул. В тот же миг Вешняков, не переставая улыбаться, выхватил дубинку и ударил его по лицу. От неожиданности наглец упал: одна щека теперь была скрыта под волосами, на другой виднелся красный след, алел уголок разбитых губ. Хмыкнув, парень поднялся и харкнул кровью прямо в Вешнякова.

Втроем они повалили его на асфальт, Вешняков с ноги ударил парня в

парня в грудь, а Малахов добавил тычков по голове и начал ощупывать карманы. В заднем был паспорт. Он хохотнул:

— Ого, а сосунку-то всего семнадцать! Пакуем его.

Вешняков перевернул задержанного на живот и наступил на спину, Малахов щелкнул наручниками.

Они затащили его в машину и медленно тронулись. Малахов сел рядом с юношей. Он наслаждался зрелищем: было приятно смотреть на парня, еще пять минут назад такого хорошенького, а сейчас залитого кровью.

— Поехали в лес?

— Конечно, — не сразу ответил Малахов, — включи-ка мою волну.

— В твой день рождения — все что угодно, брат!

Сквозь помехи пробился медленный, но полный задора чернокожий блюз. От избытка чувств, связанных с предвкушением чего-то особенного, Малахов принялся разъяснять парнишке причину своего увлечения этой музыкой, дыша на него сигаретным и алкогольным перегаром. Тот не слушал и просто смотрел перед собой. Несмотря на разбитое лицо и грязную одежду, юнец все еще был невероятно привлекателен... Малахов снова возбудился.

— Я трахну этого пидора, — сказал он. — После тюрьмы мне все равно, кого.

С трассы они свернули на неприметную дорожку, и густые заросли тут же скрыли их автомобиль. Парня вытащили и раздели. Менты выпивали и время от времени избивали его.

Темнело. Малахов уже не мог терпеть и попросил друзей подождать в машине. Услышав это, голый парень со скованными за спиной руками с трудом встал на колени и посмотрел вверх. Глаза его закатились. Словно одержимый, он закричал, обращаясь к небу:

— Убери своих сраных ангелов! — и, посмотрев на остолбеневших милиционеров, добавил: — Смертные отродья, я рожусь снова!

От нечеловеческой злобы, с которой он произнес эти слова, по спинам милиционеров пробежал холодок. Быстро поборов нерешительность, Ярый с размаха пнул пленника в челюсть, после чего они с Димой пошли к авто.

Малахов снял китель и расстегнул рубашку. На груди у него висел крохотный крестик.

— Нет, пожалуйста, нет! — зарыдал парень.

Малахов достал из плечевой кобуры пистолет, приложил к губам, подмигнул и сказал:

— Тсс, дружок, ничего не бойся, — он бросил оружие на землю и начал стягивать штаны. Потом кинул избитого и обессиленного парня на живот, натянул презерватив и изнасиловал, а после помочился на свою жертву.

— Я рожусь снова... — исступленно шептал подросток.

Малахов прислонил парня к дереву, установив на голове несчастного пустую бутылку.

Парень, не двигаясь, смотрел на мента, на его прищуренный глаз и нетвердую руку.

— Я рожусь снова и убью тебя.

— Заткнись, мудило!

Резкий хлопок — и бутылка рассыпалась. Малахов с идиотской улыбкой подбежал и поставил еще одну, потом снова отошел на пятнадцать шагов. — Я рожусь снова, — с трудом выговорил парень, глядя мучителю в глаза, — и убью всю твою семью.

Малахов не смог сдержать нахлынувшую ярость. Он попал туда, куда целился, — в голову.

***

На светофоре между остановившихся автомобилей ковыляет алкоголик со стертым лицом, пробуя себя в роли попрошайки. Он останавливается у моего окна — в удивительно ясных глазах читается немая просьба. Я вынимаю из кошелька тысячерублевую банкноту, и от волнения он сглатывает слюну. Разрываю купюру на четыре части и, опустив стекло, выкидываю. Беззубая пасть бродяги изрыгает многосложное ругательство, впитавшее все разочарование обманчивой фортуной, лишившей его очередного беззаботного денька.

Я паркуюсь рядом с полицейским участком, несколько раз затягиваюсь электронной сигаретой, хватаю с заднего сиденья детский рюкзак и захожу внутрь. В праздник — а сегодня 12 июня — здесь практически никого.

Перепрыгиваю через турникет. Прямоволосая девушка в форме возмущена:

— Молодой человек, что вы себе позволяете?! Покажите паспорт.

— У меня пропуск, крошка, — усмехаюсь я, достаю пистолет и прикладываю к ее лбу. — Ну-ка, лизни его!

Она почти мгновенно открывает рот, показывая милый розовый язычок. Но мне некогда, поэтому я тут же стреляю. Ее тело откидывается назад и проезжает на офисном стуле около метра. Столкнувшись со стеной, оно тяжело падает на пол. Вместо затылка — кровоточащая дыра размером с нагрудный жетон. Запрыгиваю за стойку и жму кнопку пожарной тревоги. Пригнувшись, в ужасе глядя на меня, несколько гражданских бегут к выходу.

Не теряя времени зря, обрываю еще две карьеры. Сначала из туалета прямо на меня выходит лопухий мент, на ходу застегивая ширинку. Я стреляю ему в пах. Он падает на колени и, обеими руками вцепившись в рану, умудряется помочиться еще раз. Ствол пистолета с размаха выбиваю ему глаз. Удерживая второй рукой за шею, под скрежет его безумного вопля проворачиваю дуло в глазнице и жму на курок.

Несусь по коридору, оглядываясь через плечо и делая вид, что спасаюсь от кого-то. Кричу «Помогите!» появившемуся в коридоре оперативнику, вооруженному одним лишь тупоумием да лишним весом, и продолжаю бежать в его сторону. Поравнявшись, подношу семнадцатый «Глок» к его второму подбородку и тут же спускаю пулю с поводка. Свинец снизу вверх прошивает его нижнюю челюсть, язык, небо и наконец срывает макушку, исчезая в ПВХ-панели на потолке. Над бедолагой на мгновение взмывается фонтан из крови и мозгов. Потеряв все в один миг, он оседает на пол.

С Днем России, голубчик!

Так-так, вторая дверь направо... Постаревший на двадцать лет Малахов как раз выходит посмотреть, что за шум в здании. Бью его рукояткой в лоб, заталкиваю обратно в кабинет и тут же наношу несколько ударов по голове. Он падает и замирает на полу в положении эмбриона, закрыв лицо руками. Из торчащей сбоку плечевой кобуры забираю его ПММ*. Ключ в двери — мне остается только повернуть его. Переворачиваю Малахова на живот, упираясь

коленом в спину, заламываю старому знакомцу руки и надеваю наручники. Я волнуюсь, голос немного дрожит:

— М-молчи, если хочешь жить. Ни слова!

Разумеется, он еще ничего не понимает. Рывком поднимаю его на ноги и опускаю грудью на стол. Круглые глазки тонут в липком страхе. Беру моток армированного скотча и крепко приматываю его шею к тяжелой деревянной столешнице, а икры — к ножкам. Он обездвижен. Только теперь я замечаю тихо играющий на подоконнике магнитофон. Звучит, конечно же, блюз. Делаю музыку чуть громче и сажусь перед Малаховым на корточки. Его голова лежит на боку. Поворачиваю ее к себе и вставляю расширитель для рта. Глядя на него в упор, прикладываю пистолет к губам и произношу: «Тсс, дружок, ничего не бойся», — и слегка киваю. Ха, теперь точно понял!

Срываю с его шеи тот самый маленький серебряный крестик и заставляю проглотить. Без цепочки. С силой запихиваю пистолет ему в глотку, вытаскиваю и снова заталкиваю. Задыхаясь, он издает чмокающие звуки. Его беспомощность возбуждает. Я стал гомосексуалистом ради этого момента. Сбрасываю штаны и нижнее белье, рукой укрепляю эрекцию прямо перед напуганным рылом, а затем грубо заталкиваю детородный орган в самое нутро похабно распахнутого рта. Он пытается сомкнуть челюсти, но распорка не дает этого сделать. Менту трудно дышать, после каждой фрикции он жадно хватает воздух, словно неумелый пловец. Секунд через тридцать-сорок я чувствую, что могу кончить прямо сейчас. Но зачем?

В здании отключается сирена. Кто-то дергает ручку двери, спрашивая, всё ли в порядке. Не покидая полицейской глотки, беру со стола пистолет и, полуобернувшись, выстреливаю в проем. Слышу крик и звук падения. Стреляю еще несколько раз, пониже. Крик смолкает. Извлекаю из Малахова член:

— А у меня для тебя сюрприз.

Поднимаю пола рюкзачок — он только сейчас замечает его. Расстегиваю и достаю оттуда школьный дневник.

— Твой сын хорошо учился, если не считать оценок по химии. И такой красивый почерк для мальчика...

Выдерживаю паузу. Он начинает рычать, на глазах выступают слезы.

— Я же предупреждал. Он почти не мучился, не волнуйся. Его тело у меня в багажнике. Твои друзья тоже мертвы.

Из рюкзака вынимаю ножницы, скальпель, пинцет, латексные перчатки и лубрикант. Захожу к нему за спину, разрезаю брюки. Сажусь на пол, натягиваю перчатки и беру скальпель.левой рукой придерживаю его мошонку, а правой делаю в ней горизонтальный надрез сантиметров в пять. Он воет, дергается и даже на пару сантиметров сдвигает стол. Пинцетом достаю оба яичка. Извлеченные и очаровательные, они болтаются на семенных канатиках. Он иступленно кричит, и этот крик кажется мне знакомым. Да, так кричали солдаты в окопах Второй мировой, когда снаряд разлучал их с одной или несколькими конечностями.

Хватаю его яички и начинаю неторопливо оттягивать их вниз. Я словно играю на кошачьем пианино: аккуратно, короткими рывками подергивая

семенники, вслушиваюсь в неповторимую и изысканную вокализацию — симфонию нестерпимой боли, ласкающую мой слух. Через некоторое время оттягиваю их максимально сильно, сантиметров на десять-двенадцать — и обрываю. Яростные хриплые вопли Малахова переходят в тонкий жалобный визг. Аха-ха-ха!!! Я затоплен эндорфинами до дрожи в коленях, до трепета в самых укромных и потаенных уголках души! Мечь. Невероятная, упоительная, божественная мечь. Что может быть слаще?!

Покрытые капиллярами яйца выбрасываю в мусорное ведро. Снимаю перчатки. Осталось всего ничего — трахнуть его. С полминуты разогреваю себя рукой, затем наношу смазку и вхожу в Малахова, хватая его за ухо и разворачивая к себе. Искаженная страданием багровая рожа моего скулящего врага сумела вместить все унижение этого момента. Не переставая двигаться, пытаюсь срезать ему погоны. Почти получается...

Внезапно что-то кусает меня и отбрасывает на пол. Нащупываю дыру в своей голове, кровь струится между пальцев. В оконном стекле — крохотное отверстие в лучиках белых трещин. Выше, в небе, что-то на мгновение блеснуло. До меня доходит: я умираю. Перевожу взгляд на Малахова. Мы смотрим друг на друга. Нет, только не сейчас! Хочу сказать что-то вслух, но это так трудно, так нестерпимо тяжело...

***

Десять лет спустя Андрей Малахов проснется, с трудом поднимется с постели и пройдет в ванную. Свет автоматически включится при его появлении. Он грузно сядет на край джакузи у раковины, и зубная щетка в его руках совершит около десяти тысяч оборотов за две минуты. Выпрямившись, посмотрит в зеркало и встанет на весы. Прием гормонов не спасает его от безобразного ожирения почти третьей степени и женской груди: времена, когда он при всяком удобном случае скидывал футболку, остались в далеком прошлом.

Малахов потрогает мошонку с двумя имплантами внутри и вспомнит вчерашнюю ночь, проведенную с той молоденькой проституткой с напуганными глазами неуверенного в завтрашнем дне подростка. Как бывший полицейский, он безошибочно вычислил в ней новенькую, прочитав ее страх и отвращение, которое вызывал облысевший, жирный, старый инвалид, пахнущий потом и аптекой. Поэтому он был особенно груб — намотав светлые волосы на кулак, звал ее шлюхой. Ему отчаянно хотелось кончить ей на лицо, но, лишенный этой возможности, он просто несколько раз плюнул в него.

Капсульная кофемашина сварит ему эспрессо. Но в этот день ему не захочется завтракать. Он раскроет ноутбук, просмотрит почту, погоду и курсы валют, прочитает пару коротких новостей. Потом свернет браузер, и на экране рабочего стола появится фотография: он, Дима и Ярослав. Одетые в новенькую форму, они улыбаются, стоя перед входом в участок. Дима нахально глядит в камеру, сунув руки в карманы, Ярый чему-то смеется, поставив ногу на бампер патрульной машины, а сам он стоит посередине, положив руки им на плечи. Они были молоды, самоуверенны и заигрывали с жизнью, как с теми потаскухами, которым подмешивали амфетамин, чтобы их хватало на всю ночь.

Трупы его друзей с простреленными затылками и следами изнасилования найдут на обочине дороги в Подмосковье. «Сука», — прошепчет Малахов. Человек или нет — он прикончил обоих, лишив кормильцев две семьи. «И Артемку убил...» — подумает он и посмотрит на стену, где в рамках будут висеть акварели его сына. В уголках глаз влажно заблестит: его единственного ребенка со свернутой шеей найдут в багажнике изувера.

Малахов уйдет из полиции. Попытка замолчать инцидент с изнасилованием сотрудника в стенах участка провалится. Кто-то сольет в газету все подробности, дело дойдет до сводки в дневном эфире. Там расскажут, что некий Йонас Винклер, двадцатилетний австриец, приехал в Москву и совершил нападение на отделение, где застрелил нескольких полицейских и изнасиловал одного, после чего был ликвидирован снайпером. В новостном выпуске покажут фото Винклера — красивый молодой человек в академической шапочке, только что экстерном окончивший Венский медицинский университет. Мотив преступлений останется неизвестным. Да и кто, черт побери, знает, почему самые обычные люди иногда вдруг сходят с ума?

По счастью, от журналистов удастся утаить связь этого нападения с убийством его друзей. Малахов никому не скажет о том, кто это был. Он только проверит место, где они закопали того парня, и выяснит, что австриец родился через девять месяцев после того, как тот умер в России. В земле он найдет лишь истлевшие кости.

Малахов сменит фамилию, начнет новую жизнь и довольно быстро разбогатеет. Станет посещать церковь, восстановит храм, а по ночам будет стискивать зубами подушку и рычать, снова и снова испытывая ту бессильную ярость, когда, скованный по рукам и ногам, он чувствовал, как пользовали его кастрированное тело. И еще кое-что будет тревожить его: он будет помнить последние секунды жизни этого ублюдка. С простреленной головой тот лежал в луже собственной крови, а губы бесслышно выговаривали те самые слова, которые Малахов когда-то уже слышал. И у него не будет сомнений в том, что час, когда эта тварь снова придет за ним, непременно наступит. Но тогда он будет готов...

***

В тот день ему не захочется сидеть за рулем, поэтому он вызовет такси через приложение и доедет до кладбища, где похоронили его друзей. Постоит у их могил и в который раз прослезится. Тот же таксист довезет его до офисного центра на Пресненской набережной, а лифт поднимет на пятьдесят третий этаж. Молодые сотрудники, улыбаясь, будут приветствовать его — но это другое, чуждое ему поколение, разделяющее другие идеалы. Он пробежится по финансовым показателям, поговорит с бухгалтером. Понаблюдает, как с десяток белоснежных блузок и рубашек трудятся на благо его интересов, и ему станет жаль, что отец не застал это время. А после Малахов поедет к матери, которая после смерти мужа почти полностью потеряет слух.

Мать откроет дверь и поцелует в щеку. Помогая сыну раздеться, скажет

громче, чем нужно:

— А у нас гости! Это Ксюша, она потерялась. Ксюша, а это мой сынок — Андрюша.

В коридоре он увидит маленькую светловолосую девочку, в ее шикарные французские косы будут вплетены розовые ленты. Малышка в белом платьице и гольфиках в полоску удивительно красива. Она, очевидно, станет его стесняться и обеими руками начнет тереть лямку школьной сумки с котенком, приветливо машущим лапой.

— Она пообедает с нами, а потом ты сможешь нам найти ее родителей, хорошо? Проходи, сынок, у меня почти все готово.

И мама, опираясь на костыль, проковыляет на кухню.

Запыхавшийся Малахов неуклюже нагнется, чтобы развязать шнурки, когда что-то прозрачное вдруг глубоко войдет в его живот, а затем выскользнет оттуда, чтобы погрузиться вновь. Девочка будет стоять над ним, держа в руке узкий осколок — импровизированный нож, обернутый по краю прозрачным скотчем. Он захочет заорать, но крик почему-то застрянет в горле, и он лишь тихо прошелестит мольбу о пощаде, после чего дитя ударит его еще раз. Придерживая выпадающие внутренности, Малахов попытается схватить адское создание, но вместо шага просто свалится вперед, а крошка станет носиться вокруг его неповоротливой туши, жая короткими ударами. Когда он перестанет реагировать на боль, она подойдет к нему, сядет на корточки, и ее голосок радостно прозвенит:

— Вот ты и дышаешь, Андрюша. Я хотела помочиться на тебя, но стесняюсь, представляешь? Жаль, что не смогу убить тебя еще раз, ведь ты умираешь навсегда. Прощай.

Девочка достанет телефон, что-то нажмет и перед тем, как вставить ему наушник, прошепчет:

— Твоя мама тоже умрет.

Умирая, Малахов увидит, как она уходит на кухню, сжимая в кулачке стекло, с которого скатываются капли крови. Блюзовое гитарное соло подхватит его и поможет оттолкнуться мыслью от тела, пока мир вокруг будет тлеть и выцветать. Чем дальше, тем тише и тише будет звучать музыка...

Через десять минут девчушка выйдет на улицу и наберет номер.

— Mamochka, я так люблю тебя! — скажет она... и вдруг заплачет.

Испуганная мама спросит, что случилось, и Ксюшенька ответит:

— Я так счастлива, милая мамочка, мне так радостно на душе! Кажется, мне никогда не было так хорошо... Прости, пожалуйста, что иногда расстраиваю тебя!

Девочка закончит разговор и посмотрит вверх.

Пастельные облака, замершие в неподвижной неге, чуть колыхнутся на монотонно-голубом холсте неба.

Заметив это, она задорно подмигнет им и пошлет в вышину воздушный поцелуй.